

САЙМОН БЕКЕТТ

САЙМОН БЕКЕТТ

ХИМИЯ
СМЕРТИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б42

Серия «Детектив — самое лучшее»

Simon Beckett

THE CHEMISTRY OF DEATH

Перевод с английского И. Судакевича

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency

Бекетт, Саймон.
Б42 Химия смерти : [роман] / Саймон Бекетт ; [пер. с англ.
И. Судакевича]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. —
384 с. — (Детектив — самое лучшее).

ISBN 978-5-17-110426-9

Маленькая английская деревушка потрясена серией загадочных убийств...

Снова и снова находят в ближнем лесу чудовищно искалеченные женские тела.

Работа маньяка?! Совершенно очевидно.

Но что пытается сказать этот маньяк?

По какому принципу выбирает он свои жертвы?

И возможно ли, что кровавый след от его преступлений тянется в прошлое?!

Местная полиция просит о помощи Дэвида Хантера — опытного судебного антрополога, поселившегося в деревне после трагической гибели жены и ребенка.

Дэвид начинает собственное расследование — и приходит к совершенно невероятным выводам...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110426-9

© Simon Beckett, 2006

Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2018

Глава 1

Человеческий труп начинает разлагаться через четыре минуты после смерти. Тело, доселе вмещавшее жизнь, претерпевает конечную метаморфозу: начинает само себя переваривать. Клетки тают изнутри. Ткани превращаются в жидкость, затем в газ. Мертвый каркас становится пиршественным столом для других организмов: сначала для бактерий, потом для насекомых. Для мух, откладывающих яйца, откуда выводятся личинки, которые кормятся питательным мясным супом. Затем личинки мигрируют. Мертвеца они покидают дисциплинированно, организованной колонной, обычно держащей курс на юг. Иногда на юго-восток или юго-запад. Но на север — никогда. Никто не знает почему.

К этому времени мышечный белок уже разложился, пустив сок — крепкий химический бульон, настоящий яд для растений. От него гибнет трава, когда по ней ползут личинки, чей след пуповиной смерти тянется назад, к источнику. При благоприятных условиях — скажем, когда сухо и жарко, нет дождя, — такая пуповина может достигать длины в несколько ярдов. Любопытное зрелище эта извилистая вереница из толстеньких желто-коричневых червей. А для пытливых глаз — что может быть естественнее, чем проследить ее к самому началу? Вот так братья Йейтс и нашли то, что осталось от Салли Палмер.

На процессию личинок Нил с Сэмом натолкнулись возле опушки Фарнемского леса, у границы болота. Шла вторая неделя июля, но казалось, что необычно жаркое лето тянется уже вечность. Нескончаемый зной пиявкой высосал зелень из деревьев, а иссохшую землю покрыл плотной коркой. Мальчики направлялись к пруду Виллоухол, который сходил в этих краях за плавательный бассейн, хотя и зарос камышом. Там вместе с друзьями они провели бы воскресный день, прыгая в тепловатую зеленую воду с нависающих веток. По крайней мере, они на это рассчитывали.

Думаю, им было скучно. Одурманенные жарой, вялые и апатичные, братья огрызались друг на друга. Одиннадцатилетний Нил, на три года постарше Сэма, шел, наверное, чуть впереди, так выказывая свое раздражение. В руке у него была палка, и он хлестал ею по стеблям и веткам. Сэм тащился следом, время от времени шмыгая носом. Не от простуды, а из-за аллергии на пыльцу, от которой у него к тому же покраснели глаза. Ему помогло бы какое-нибудь мягкое антигистаминное средство, но он пока этого не знал. Он всегда шмыгал носом в летнюю пору. Вечная тень старшего брата, Сэм плелся уронив голову, и вот почему именно он, а не Нил, заметил личинок.

Сэм остановился и, прежде чем окликнуть брата, принялся разглядывать шествие. Нику не хотелось возвращаться, однако брат явно что-то нашел. Нил старался не подавать виду, и все же колышущаяся лента из мясных червей заинтриговала его ничуть не меньше. Нагнувшись ближе и одинаковым жестом отбросив пряди темных волос со лба, мальчишки сморщили носы от аммиачного запаха. И хотя позднее они не смогли припомнить, кто же предложил посмотреть, откуда ползли личинки, мне кажется, что авторство идеи принадлежало Нику. Желание вновь напомнить, кто здесь главный, было тем

более сильным, что он не заметил эту любопытную вещь. Словом, взяв курс на желтеющие пучки болотной травы, откуда струится ручеек из личинок, первым на поиски отправился Нил, оставив Сэма следовать его примеру.

Ощутили ли они запах, подойдя ближе? Скорее всего да. Вонь, надо думать, стояла такая, что пробивала даже заложенный нос Сэма. И они наверняка понимали, с чем имеют дело. Деревенские пацаны отлично знакомы с круговоротом жизни и смерти. Да и мухи, чей сомнамбулический гул заполнял дневную жару, тоже насторожили бы братьев. Однако вопреки ожиданиям найденный труп не принадлежал ни овце, ни оленю, ни собаке. Нагая, неузнаваемая на солнце, Салли Палмер, казалось, чуть-чуть двигалась. Ее тело было полно паразитов, кишачих под кожей и извергавшихся изо рта и ноздрей, не говоря уж об иных отверстиях. Сыпавшиеся из тела черви лужей собирались на земле, прежде чем проползти колышущейся лентой мимо братьев Йейтс.

Принципиально ли знать, кто бросился наутек первым? Вряд ли, хотя я лично считаю, что тоже Нил. Всегда следуя примеру старшего брата, за ним помчался и Сэм, пытаюсь не отстать в гонке, что приведет их сначала к дому, а потом к полицейскому участку.

И в конечном итоге ко мне.

Кроме успокоительного, я дал Сэму антигистаминный препарат. Впрочем, к этому времени не он один ходил с покрасневшими глазами. Нила тоже поразила находка, хотя к нему постепенно стала возвращаться подростковая самоуверенность. Так что именно он, а не Сэм, рассказал мне о случившемся, уже подредактировав свежие воспоминания и придав более приемлемую форму всей истории, которой предстояло быть рассказанной и пересказанной множество раз. Годы спустя, когда трагические события того неестественно жаркого лета оконча-

тельно канут в прошлое, Нил не перестанет говорить о них, навечно закрепив за собой статус следопыта, с чьей находки все и началось.

Впрочем, началось-то все, конечно, не с этого. Просто до тех пор мы и понятия не имели, что за тварь живет среди нас.

Глава 2

Я появился в Манхэме тремя годами раньше, промозглым мартовским вечером. Выйдя на станции — или, скорее, на забытом богом полустанке, — я обнаружил залитый водой пейзаж, лишенный не только следов присутствия человека, но и самой линии горизонта. Я стоял на платформе со своим чемоданом и разглядывал ландшафт, почти не обращая внимания на дождевые капли, стекавшие за воротник. Вокруг расстилалась плоская заболоченная местность, поросшая папоротником лишь изредка и вдалеке нарушаемая пятнами голого предвесеннего леса.

Я впервые оказался в графстве Норфолк, чьи жители именуют здешние края Большой Заводью. Непривычная картина. Я впитывал в себя широкий простор, вдыхал сырой холодный воздух и чувствовал, как внутри что-то начинает потихоньку отпускать. Пусть хмуро и неприветливо кругом, но здесь уже не Лондон. Хоть на этом спасибо.

Меня никто не встречал, а транспорта со станции я не заказывал; мысль настолько тщательно спланировать поездку не пришла мне в голову. Свою машину я продал вместе с остальными пожитками и даже не задумался, каким образом доберусь до поселка. В ту пору я еще не слишком ясно соображал. Впрочем, самонадеянность городского жителя все равно заставила бы предположить,

что на станции есть такси, магазины, что-то еще... Но здесь не было вереницы таксомоторов; даже телефонной будки и той не оказалось. Пожалев на миг, что отдал свой мобильник, я взял чемодан и направился к дороге, где очутился перед выбором, куда идти: направо или налево. Не колеблясь ни секунды, я пошел налево. Так, без особой причины. Через пару сотен ярдов я выбрался к перекрестку с покосившимся дорожным столбом. Выцветшая надпись указывала куда-то вниз, прямо в мокрую землю. Ну и ладно: по крайней мере знак говорил, что я на верном пути.

Уже смеркалось, когда я наконец дошагал до поселка. К этому времени меня обогнала пара-тройка машин, и тем не менее никто не остановился. Если не считать автомобилей, то первыми признаками жизни были одинокие фермы, весьма далеко отстоявшие как от дороги, так и друг от друга. Затем в сумеречном свете я заметил шпиль церквушки, будто наполовину ушедшей в землю где-то на задворках. Вскоре под моими ногами простерлась мостовая, узкая и скользкая от дождя, хотя и это было лучше, чем обочина и живые изгороди, по которым я пробирался от самой станции. Еще один поворот — и взгляду открылся спрятавшийся поселок.

До вида с почтовой открытки ему далеко. Слишком неприбранный, слишком разбросанный, чтобы походить на образец английской деревушки. На окраине располагалась группа коттеджей довоенной постройки, но они быстро уступили место каменным домикам со стенами, выложенными кремневой галькой. Чем ближе подходил я к центру поселка, тем дряхлее становились домики, словно каждый шаг уносил меня все дальше в прошлое. Лакированные изморосью, зданьица жались друг к другу, а в их безжизненных окнах отражалась туповатая подозрительность.

Еще немного — и вдоль дороги выстроились запертые магазины, что заслоняли какие-то другие дома, терявшиеся в мокром сумраке. Я миновал школу, паб и вышел к центральной лужайке, поросшей нарциссами. Кивая головками дождю, они резко выделялись своей канареечной желтизной на светло-коричневом фоне окружающего мира. Над лужайкой простер голые черные ветви старый каштан, вздымавшийся гигантской башней. За ним, в окружении покосившихся и замшелых могильных камней, стояла церковь, чей древний норманнский профиль я заметил еще с дороги. Как и у соседних домов, в ее стены были вмазаны кремнистые желваки с кулак величиной, не поддающиеся стихиям. Впрочем, раствор этой кладки, не столь твердый и крепкий, изрядно пострадал от времени, а окна и дверь слегка перекосило из-за просевшего за восемь столетий фундамента.

Я остановился, потому что дорога привела в тупик, к другим домам. Очевидно, я увидел практически все, что мог предложить Манхэм. Кое-где светились окна, однако иных признаков жизни не наблюдалось. Я стоял под дождем, недоумевая, куда же идти. И вдруг услышал какой-то шум и увидел пару садовников, занятых работой на кладбище. Не обращая внимания на дождь и тускнеющий свет, они граблями приводили в порядок траву возле надгробий. Пока я к ним подходил, они ни разу не подняли головы.

— Вы не скажете, где здесь врач живет? — спросил я, вытирая со лба дождевые капли.

Садовники остановились и посмотрели на меня. Наверняка дед с внуком: уж очень они похожи, несмотря на разницу в годах. Одно и то же равнодушное нелюбопытное лицо с немигающими пустыми васильково-синими глазами.

Старик махнул рукой в сторону узкой аллеи на дальнем краю лужайки.

— Вон там, напрямки.

Деревенский говор, непривычный моему городскому слуху: еще одно подтверждение, что здесь не Лондон. Я начал было их благодарить, но они уже вернулись к работе. Я пошел по аллее, отметив про себя, что тут сильнее слышен дождь, стучащий по нависшим веткам. Спустя некоторое время я добрался до широких ворот, перегородивших довольно тесный проезд. К одной стойке прикреплена дощечка с надписью «Банк-хаус». Под ней — латунная табличка «Доктор Г. Мейтланд». С обеих сторон обсаженная тисом, подъездная аллея взобралась на скромный холм, минуя ухоженные садики, затем ушла вниз, на внутренний двор впечатляющего особняка эпохи короля Георга. Я соскреб грязь с ботинок об изношенный чугунный рельс возле входа и, громко бухнув тяжелым дверным кольцом, уже собирался проделать это еще раз, как дверь отворилась.

На меня смотрела полная женщина средних лет с безупречно уложенными темно-серыми волосами.

— Да?

— Я к доктору Мейтланду.

Она нахмурилась.

— Прием закончен. И, боюсь, сейчас доктор не обходит пациентов.

— Да нет... понимаете, он ждет меня.

Полное молчание в ответ. Мне вдруг пришло на ум, насколько я, должно быть, перемазался за часовую прогулку под дождем.

— Я насчет работы. Меня зовут Дэвид Хантер.

Женщина просияла.

— Ох, простите бога ради! Я ведь сразу не сообразила... думала, что... Да вы заходите, пожалуйста.

Саймон Бекетт

Она отступила внутрь, давая мне пройти.

— Боже милосердный, на вас сухой нитки нет! Долго шли?

— От станции.

— От станции? От самой станции? Да ведь это мили!

Она уже помогала мне снять пальто.

— Отчего же вы не позвонили, когда приходит поезд? Мы бы кого-нибудь нашли, чтобы вас подбросили.

Я не ответил. По правде говоря, мне это даже не пришлось в голову.

— Идите в гостиную, там есть камин. Нет-нет, чемодан оставьте, — добавила женщина, улыбнувшись. Тут я впервые заметил следы переживаний у нее на лице. То, что я принял за холодок отчужденности, объяснялось просто усталостью. — Воришек у нас нет.

Она провела меня в большую, обшитую деревом комнату. Напротив длинного кожаного дивана, изношенного временем, действительно имелся камин, где пылала груда поленьев. Персидский ковер, старый, хотя все еще красивый.

По краям — половицы, навощенные до темно-коричневого блеска. В комнате приятно пахло сосной и костром.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Я скажу доктору Мейтланду, что вы прибыли. Может, чашечку чаю?

Еще одно свидетельство, что я уже не в городе. Там предлагают кофе. Я поблагодарил и, когда она вышла, стал смотреть на огонь. Тепло. После уличного холода потянуло в сон. За двустворчатой дверью на террасу совсем стемнело. В стекло барабанит дождь, на диване мягко и удобно... Отяжелели веки, и я чуть ли не в ужасе вскочил, когда начал клевать носом. Как-то сразу навалилась усталость, я был измотан духовно и физически. Но страх заснуть оказался сильнее.

Я все еще стоял перед камином, когда женщина вернулась.

— Пойдемте. Доктор Мейтланд ожидает вас в кабинете.

Поскрипывая половицами, я прошел за ней по коридору до дальней двери. Негромко постучав, женщина открыла ее привычным жестом, не дожидаясь ответа. Давая мне пройти, она вновь улыбнулась.

— Через пару минут принесу чай, — сообщила она, закрывая за собой дверь.

В комнате за письменным столом сидел мужчина. Секунду-другую мы молча разглядывали друг друга. Даже из-за стола было видно, какой у него высокий рост. Худое, в глубоких складках лицо и пышная шапка волос. Не то чтобы седых, а скорее бледно-соломенных. Черные брови давали понять, что у этого человека нет слабых мест. Проницательный, пытливый взгляд, мгновенно давший мне оценку. Что за впечатление я произвел? Впервые в жизни стало неловко, что я выгляжу далеко не лучшим образом.

— Однако! Вас хоть выжимай!

Грубоватый, но не злой голос, как у большого добродушного пса.

— Пешком шел от станции. Не нашлось такси.

Он фыркнул:

— Добро пожаловать в наш чудный Манхэм!.. Вы бы хоть сказали, что приедете на день раньше. Я бы что-нибудь организовал...

— На день раньше? — эхом отозвался я.

— Вот именно. Я ждал вас завтра.

Впервые до меня дошло, что означали закрытые магазины. Сегодня воскресенье. Я даже представления не имел, насколько у меня извратилось чувство времени. Так опростоволоситься!

Саймон Бекетт

Доктор сделал вид, что не заметил моего смущения.

— Ну да не важно, раз вы здесь. Больше будет времени привыкнуться. Я — Генри Мейтланд. Рад знакомству.

Он протянул руку не вставая. Только сейчас я заметил, что доктор Мейтланд сидел в кресле-каталке. На миг выбитый из колеи, я шагнул вперед, чтобы обменяться чуть запоздалыми рукопожатиями. Он криво усмехнулся.

— Теперь вы знаете, почему я написал в газету.

Да, крохотное, едва заметное объявление на страницах «Таймс». Но — уж не знаю почему — в глаза мне оно бросилось сразу. «Сельской амбулатории нужен врач общего профиля. Контракт временный, на шесть месяцев. Жилье предоставляется». Не просто шанс найти место, сама география привлекла меня. Я бы не сказал, что очень хотелось работать именно в Норфолке; зато я покинул бы Лондон. Без особых надежд или переживаний я подал заявку и, неделей позже распечатав письмо, ожидал найти в нем лишь вежливый отказ. Однако мне предложили место. Письмо пришлось перечитать дважды, прежде чем дошел смысл. В иных обстоятельствах я бы еще задумался, нет ли здесь ловушки. А с другой стороны, тогда я вообще бы не стал искать такую работу.

Ответным письмом я дал согласие.

Сейчас, при виде моего нового начальника, пришло запоздалое беспокойство, во что же я ввязываюсь. Словно читая мои мысли, доктор хлопнул себя по бедрам.

— Автомобильная авария.

В голосе — ни смущения, ни жалости к себе.

— Есть шансы, что со временем я опять смогу ходить, однако до тех пор мне в одиночку не справиться. Где-то с год работали временные помощники, теперь с меня хватит. Каждую неделю новое лицо; кому от этого лучше? Вы сами быстро поймете, что здесь не очень-то жалуют перемены.

Он потянулся к трубке с табаком, что лежала на столе.

— Ничего, если я закурю?

— Разве я могу возражать?

Мейтланд издал короткий смешок.

— Ответ верный. Я не ваш пациент, помните об этом.

Он на секунду умолк, приставив спичку к табачной чашечке.

— Итак, — продолжил Мейтланд, попыхивая трубкой. — Серьезный отход от вашей привычной работы в университете, да? К тому же тут далеко не Лондон.

Он взглянул мне в лицо поверх дымящейся трубки. Я ожидал, что Мейтланд вот-вот попросит рассказать о моей прежней карьере, но этого не случилось.

— Если есть сомнения, сейчас самое время подать голос.

— Нет, — ответил я.

Он удовлетворенно кивнул:

— Что ж, одобряю. Первое время поживете у нас. Я скажу Дженис, чтобы она вас устроила в комнате. Более подробно поговорим за ужином. А завтра можете приступать, прием начинается в девять.

— Разрешите спросить?..

Он слегка вздернул бровь, ожидая продолжения.

— Почему вы меня приняли?

Вопрос этот меня беспокоил. Не настолько, чтобы совсем вынудить отказаться, но все же. Что-то было такое подспудное, неуловимое...

— Вы произвели подходящее впечатление. Высокая квалификация, великолепные отзывы и готовность работать в захолустье, да еще за те гроши, что я предлагаю.

— Я думал, сначала будет собеседование...

Он трубкой будто отмел в сторону мою ремарку, окутавшись завитками дыма.